

разыграть своего черного лакея. Скарлетт медленно, чувствуя холодную тяжесть в ногах, последовала за отцом. Ее брак с Эшли выглядел бы, в конце концов, ничуть не более странным, чем союз ее отца с Эллин Робийяр, в супружестве Эллин О'Хара. И в который уж раз она с недоумением спросила себя, как это могло произойти, что ее недалекий, грубоватый папаша ухитрился взять себе в жены такую женщину, как ее мать, ибо двух более несхожих по рождению, воспитанию и образу мыслей людей просто невозможно было себе представить.

ГЛАВА 3

Эллин О'Хара исполнилось тридцать два года, она уже была матерью шестерых детей, из коих схоронила троих, и по существовавшим в те времена понятиям считалась женщиной среднего возраста. Она была почти на голову выше своего горячего, вспыльчивого коротышки-супруга, но спокойная грация движений, приковывая к себе внимание, заставляла забывать про ее высокий рост. Стоячий воротничок черного шелкового платья туго обтягивал округлую, тонкую, чуть смуглую шею. Голова была слегка откинута назад, словно под тяжестью густых темных волос, стянутых на затылке тугим узлом и уложенных в сетку. От своей французенки-матери, родители которой в 1791 году бежали на Гаити от революции, она унаследовала и эти темные волосы, и темные, с узким разрезом глаза, и иссиня-черные ресницы; от отца — офицера наполеоновской армии — прямой удлинённый нос и чуть заметную широкоскулость, смягченную нежной линией подбородка и щек. И уж, верно, сама жизнь наградила Эллин и горделивой, без высокомерия, осанкой, и изысканной грацией, и этой меланхоличностью взгляда без малейшей искорки веселья.

Чуть больше блеска в глазах, тепла в улыбке, живости в мелодично-нежном голосе, звучащем музыкой в ушах ее близких и слуг, и красота Эллин О'Хара была бы неотразимой. В напевности ее говора была протяжность гласных, характерная для жителей прибрежной Джорджии, и легкий французский акцент. Голос Эллин никогда не повышался до крика — отдавала ли она приказания слугам или пробирала за шалости детей, — но все обитатели Тары повиновались ему беспрекословно и мгновенно, преспокойно игнорируя громы и молнии, которые привык метать ее супруг.

И всегда, с тех пор как помнила себя Скарлетт, ее мать была такой — деятельной и невозмутимой среди всех ежедневных треволнений усадебной жизни; укоряла она или поощряла, голос ее был неизменно мягок и тих, спина пряма и дух несгибаем; она осталась такой даже после потери трех малюток-сыновей. Скарлетт ни разу не видела, чтобы мать, сидя в кресле, позволила себе откинуться на спинку. И руки у нее всегда были заняты рукоделием, если только она не сидела за обеденным столом, или за усадебными счетоводными книгами, или у постели больного. Иногда (в присутствии гостей) это могла быть изящная вышивка, в другой раз — просто рубашка Джералда или детское платьице, требующее починки. А не то, так она шила одежду для слуг. И шла ли она, шурша платьем, по дому, наблюдая за уборкой, заглядывала ли в кухню или в мастерскую, где шилась одежда для негров, занятых на полевых работах, на пальце у нее всегда блестел золотой наперсток, а по пятам за ней следовала девочка-негритянка, на которую была возложена обязанность носить за хозяйкой шкатулку розового дерева со швейными принадлежностями и выдергивать из готового шитья наметку.

Скарлетт никогда не видела, чтобы мать теряла самообладание или чтобы ее туалет, независимо от времени суток,

не был в безупречном состоянии. Если Эллин О'Хара собиралась на бал, или в гости, или в Джонсборо для присутствия на сессии суда, ее туалет обычно занимал не менее двух часов и требовал услуг двух горничных и Мамушки, но, если возникала необходимость действовать быстро, ее молниеносная готовность поражала всех.

Скарлетт в своей спальне, расположенной напротив материнской, с младенчества привыкла слышать на заре легкий торопливый топот босых ног по деревянному полу, тревожный стук в дверь к хозяйке, испуганные, приглушенные голоса, сообщавшие о начавшихся родах, или о чьей-то болезни, или смерти, приключившихся в одной из беленных известкой хижин. Не раз, подкравшись к своей двери, Скарлетт смотрела в щелку и видела, как мать, аккуратно причесанная, в застегнутом на все пуговицы платье, с медицинской сумкой в одной руке и высоко поднятой свечой в другой, появляется на пороге темной спальни, откуда доносится мерное похрапывание отца.

И на ее детскую душу сразу нисходило успокоение, когда она слышала сочувственный, но твердый шепот матери:

— Тише, не так громко. Вы разбудите мистера О'Хара. Никто не умрет, это не такая опасная болезнь.

Приятно было снова забраться в постель и уснуть, сознавая, что мать ушла туда, в ночь, и, значит, ничего страшного не случится.

А утром, не дождавшись помощи ни от старого доктора Фонтейна, ни от молодого, вызванных куда-то еще, и проведя у постели роженицы или у смертного одра всю ночь, Эллин О'Хара спускалась, как обычно, в столовую к завтраку. И если под глазами у нее залегли глубокие тени, то голос звучал бодро, как всегда, и ничто не выдавало пережитого напряжения. За величавой женственностью Эллин скрывалась стальная выдержка и воля, державшие в почтительном трепете весь дом — и не только слуг и дочерей,

но и самого Джералда, хотя он даже под страхом смерти никогда бы в этом не признался.

Порой, перед отходом ко сну, Скарлетт, поднявшись на цыпочки, чтобы дотянуться до материнской щеки, смотрела на нежный рот Эллин, казавшийся таким беззащитным, на ее тонкую верхнюю губу и невольно спрашивала себя: неужели этот рот тоже когда-нибудь беспечно улыбался и в ночной тишине шепотом поверял свои девичьи секреты на ухо подружке? Это казалось невообразимым. Для Скарлетт Эллин всегда была такой, как сейчас, — сильной, мудрой опорой для всех, единственным человеком на свете, знающим ответ на все вопросы.

Но конечно, Скарлетт была не права. Эллин Робийяр из Саванны умела беззаботно улыбаться и заливаться беспричинным смехом, как любая пятнадцатилетняя девчонка этого живописного городка на берегу Атлантики, и, как все девчонки, поверяла по ночам свои секреты подружкам — все секреты, кроме одного. Так было вплоть до того дня, когда некий Джералд О'Хара, двадцатью восемью годами старше Эллин, не вошел в ее жизнь. И случилось это в тот самый год, когда Филипп Робийяр, ее беспутный черноглазый кузен с дерзким взглядом и отчаянными повадками, навсегда покинул город и унес с собой весь молодой жар ее сердца, оставив маленькому кривоногому коротышке-ирландцу только восхитительно женственную оболочку.

Но Джералду, который, женившись на Эллин, не помнил себя от счастья, и этого было довольно. И если какая-то частица ее души была мертва для него, он никогда от этого не страдал. Джералд был достаточно умен, чтобы понимать: если он, небогатый ирландец, без роду без племени, взял в жены девушку из самого богатого и родовитого семейства на всем побережье, — это почти что равносильно чуду. Ведь он был никто, человек, выбившийся из низов.

Джералд О'Хара эмигрировал из Ирландии в Америку, когда ему едва исполнился двадцать один год. Отъезд был

скоропалительным, как случалось не раз и с другими добрыми ирландцами и до него, и после. Он уехал без багажа, с двумя шиллингами в кармане, оставшимися после оплаты проезда, и крупной суммой, в которую была оценена его голова, — более крупной, на его взгляд, чем совершенное им нарушение закона. Ни один оранжист, еще не отправленный в ад, не стоил в глазах британского правительства, да и самого сатаны, ста фунтов стерлингов, но, если тем не менее правительство приняло так близко к сердцу смерть земельного агента какого-то английско-го помещика, давно покинувшего свое поместье, это значило, что Джералду О'Хара надлежало бежать, и притом побыстрее. Правда, он обозвал земельного агента «оранжистским ублюдком», но это, по мнению Джералда, еще не давало тому права оскорбительно насвистывать ему в лицо «Воды Бойна».

Битва на реке Бойн произошла более ста лет тому назад, но для всех О'Хара и любого из их соседей этого промежутка времени как бы не существовало, словно только вчера их мечты и надежды, вместе с их землями и состоянием, были развеяны по ветру в облаках пыли, поднятых копытами коня трусливого Стюарта, бежавшего с поля боя, оставив своих ирландских приверженцев на расправу Вилли Оранскому и его оголтелым наемникам с оранжевыми кокардами.

По этой и многим другим причинам семья Джералда не почла нужным рассматривать трагический исход вышеупомянутой ссоры как нечто заслуживающее серьезного внимания — помимо, разумеется, того, что он мог повлечь за собой серьезные последствия для них. На протяжении многих лет семья О'Хара, подозреваемая в тайных антиправительственных действиях, была на дурном счету у английских констеблей, и Джералд был не первым О'Хара, спешно покинувшим родину под покровом предрассветных сумерек. Он смутно помнил двух своих старших братьев,

Джеймса и Эндрю, молчаливых юношей, порой неожиданно появившихся ночью с какими-то таинственными поручениями, порой исчезавших на целые недели — к неизбыточной тревоге матери — и сбежавших в Америку много лет назад, после того как на скотном дворе О’Хара под полом хлева был обнаружен небольшой склад огнестрельного оружия. Теперь оба они стали преуспевающими торговцами в Саванне («Одному Господу известно, что это за город такой», — со вздохом говаривала их мать, вспоминая своих старших отпрысков мужского пола), и молодого Джералда отослали к ним.

Мать наскоро поцеловала его в щеку, жарко прошептав на ухо слова католической молитвы, отец же напутствовал его так: «Помни, из какой ты семьи, и не позволяй никому задирать перед тобой нос». И с этим Джералд покинул родной кров. Пятеро высоченных братцев одарили его на прощание одобрительно-покровительственными улыбками, ибо он был в их глазах еще ребенком, да к тому же единственным недомерком в этом племени рослых здоровяков.

Отец и все пять братьев были крепкого сложения и более шести футов росту, а коротышка Джералд в двадцать один год уже знал, что Господь Бог в своей неизреченной мудрости отпустил ему всего пять футов и четыре с половиной дюйма в длину. Но Джералд никогда не позволял себе на это сетовать и — такой уж у него был характер — отнюдь не считал, что низкий рост может быть для него в чем-либо помехой. Скорее даже особенности телосложения и сделали его тем, чем он стал, ибо еще на пороге жизни он познал одну истину: маленький человек должен быть крепок, чтобы выжить среди больших. И в этом качестве Джералду отказать было нельзя.

Его рослые братья были немногословными, мрачноватыми парнями. Утрата былого величия их славного рода подспудной злобой жгла их души и прорывалась наружу

язвительными шуточками. Будь Джералд таким же здоровенным верзилой, как они, он тоже пошел бы по темному извилистому пути всех О'Хара, примкнув к тайным мятежникам. Но Джералд был горячая голова, «задира и горлопан», по выражению его нежной матушки, чуть что — лез с кулаками, и его буйный нрав каждому мгновенно бросался в глаза. Он держался со своими могучими братьями как маленький, но храбрый бойцовый петух среди крупнопородистых представителей птичьего двора, и братья любили его и добродушно поддразнивали, забавляясь его яростью, а иной раз и поколачивали, чтобы он не слишком все же забывался и знал свое место.

Если запас знаний Джералда, с которым он прибыл в Америку, был весьма скуден, то сам он, вероятно, об этом не подозревал. Да и не придавал бы значения, открой ему кто-нибудь на это глаза. Мать научила его чтению и письму и выработала у него хороший почерк. Арифметика далась ему легко. И на этом его образование оборвалось. Латынь он знал постольку, поскольку мог повторить за священником, что положено повторять во время католической мессы, а его познания по истории ограничивались всевозможными фактами попрания исконных прав Ирландии. Из поэтов он знал только Мура, а по части музыки мог похвалиться недурным знанием старинных ирландских песен. Питая искреннее уважение к людям, получившим хорошее образование, он, однако, ничуть не страдал от недостатка собственного. Да и на что оно ему было в этой новой стране, где самый невежественный ирландец мог стать большим богачом? В стране, где от мужчины требовалась только сила, выносливость и любовь к труду.

Джеймсу и Эндрю, пристроившим его у себя в лавке в Саванне, тоже не приходилось сокрушаться по поводу его необразованности. Его четкий почерк, точность в подсчетах и хорошая торговая сметка вызывали к нему уважение, в то время как, вздумай он похвалиться какими-либо

познаниями по части литературы или музыки, его подняли бы на смех. Америка в те годы была еще гостеприимна к ирландцам. Джеймс и Эндрю, поначалу гонявшие фургоны с чужими товарами из Саванны в глубь Джорджии, преуспев, обзавелись собственной торговлей, и Джералд преуспевал вместе с ними.

Американский Юг пришелся ему по вкусу, и мало-помалу он стал южанином в собственных глазах. Кое в чем Юг и южане оставались для него загадкой, но он со свойственной ему цельностью и широтой натуры принял их такими, как он их понимал, принял их взгляды и обычаи: скачки, покер, дуэльный кодекс, страсть к политике, ненависть к янки. Права Юга, рабство и власть Короля Хлопка, презрение к «белой рвани» — к белым беднякам, не сумевшим выбиться в люди, — и подчеркнуто рыцарское отношение к женщинам. Он даже научился жевать табак. Учиться поглощать виски в неумеренных количествах, не хмелея, ему не было нужды — он владел этим даром от природы.

И все же Джералд оставался Джералдом. Образ его жизни и взгляды претерпели изменение, но менять свою манеру поведения он не стремился, даже если это было ему под силу. Он отдавал должное томной элегантности богатых хлопковых и рисовых плантаторов, приезжавших в Саванну из своих увитых плющом резиденций, гарцевавших по улицам на породистых лошадях, эскортируя экипажи не менее элегантных дам, за которыми катили фургоны с черной челядью. Однако самому Джералду элегантность не давалась, хоть умри. Протяжный ленивый говор приятно ласкал ему слух, но его собственный язык не был для этого приспособлен, и речь Джералда по-прежнему звучала резко и грубовато. Ему нравилась небрежная грация, с какой богатые южане заключали крупные сделки или ставили на карту раба, плантацию, целое состояние и расплачивались за проигрыш, ни на секунду не теряя хорошего

расположения духа, так же легко и беспечно, как швыряли мелкую монетку негритенку. Но Джералд, знавший в жизни нужду, не мог невозмутимо и благодушно относиться к денежным потерям. Они были славный народ, эти южане с прибрежных плантаций — нежноголосые, горячие, забавные в своих непостижимых прихотях; они нравились Джералду. Но молодого ирландца, явившегося сюда из страны холодных влажных ветров, дующих над повитыми туманом топиями, не таящими в себе тлетворных миазмов, отличала такая крепкая жизненная хватка, какая и не снилась высокомерным отпрыскам благородных семей из края тропического солнца и малярийных болот.

Он перенимал у них то, что считал для себя полезным, и отбрасывал остальное. Он открыл, что покер и ясная голова во хмелю могут сослужить неплохую службу, и пришел к заключению, что покер — одно из самых полезных изобретений южан. Вот эта его врожденная смекалка в карточных играх и способность легко поглощать золотистое питье и принесли Джералду два самых драгоценных приобретения — его плантацию и его черного лакея. Третьим драгоценным приобретением была его жена, но за нее он мог благодарить лишь непостижимую милость Господа Бога.

Лакей по имени Порк, ослепительно-черный, вышколенный, исполненный чувства собственного достоинства, знающий толк во всех тонкостях портняжного искусства и элегантности, перешел во владение Джералда в результате затянувшейся до утра партии в покер с плантатором с острова Сент-Саймон, умевшим не менее стойко блефовать, чем Джералд, но проявившим меньшую стойкость по части новоорлеанского рома. И хотя прежний владелец Порка хотел потом откупить его обратно и предлагал двойную цену, Джералд отказался наотрез, ибо обладание первым в его жизни рабом, да к тому же еще «лучшим, черт

подери, лакеем на всем побережье», явилось важным шагом на пути к исполнению его заветной мечты — стать и землевладельцем, и рабовладельцем.

Он уже давно пришел к заключению, что не будет, как Джеймс и Эндрю, всю жизнь заниматься торговлей и просиживать ночи при свечах, подбивая итог под колонками цифр. Не в пример братьям, он остро чувствовал своего рода социальное клеймо на тех, кого именовали здесь «торговым человеком». Джералд хотел стать плантатором. Выходец из семьи ирландских арендаторов, некогда владевшей пахотными землями и охотничьими угодьями, он страстно желал насладиться видом зеленеющих акров собственных возделанных полей. Целеустремленно и безоглядно он мечтал о собственном доме, собственной плантации, собственных лошадях, собственных рабах. И здесь, в этой новой стране, не ведающей двух главных опасностей, которые подстерегают землевладельца у него на родине, — налогов, пожирающих весь доход от урожая, и неизбежной угрозы конфискации, — он намерен был воплотить в жизнь свою мечту. Но шли годы, и он понял, что честолюбивые замыслы — одно, а осуществление их — нечто другое. Местная земельная знать оказалась крепостью, проникнуть внутрь которой у него не было никакой надежды.

И тут рука Судьбы и рука карточного игрока преподнесли ему кусок земли, который он впоследствии нарек Тарой, и подвигли его тем самым перебраться с побережья в глубь Северной Джорджии.

Однажды теплой весенней ночью в одном из салунов Саванны до ушей его случайно долетели слова какого-то незнакомца, заставившие его сразу обратиться в слух. Незнакомец, уроженец Саванны, только что возвратился в родной город после двенадцати лет, проведенных в глубине штата. Он был участником земельной лотереи, организованной штатом с целью поделить на участки обширную территорию Центральной Джорджии, уже очищенной

от индейских племен за год до того, как Джералд прибыл в Америку. Человек этот отправился туда и основал плантацию, но дом, который он себе построил, сгорел, «проклятое это место» ему осточертело, и он был бы рад поскорее сбыть его с рук.

Джералд, никогда не расстававшийся с мечтой приобрести собственную плантацию, представился незнакомцу и с возрастающим интересом стал слушать его рассказ о том, что на север штата хлынули переселенцы из обеих Каролин и Виргинии. Джералд уже достаточно давно жил на побережье, чтобы усвоить характерный для местных жителей взгляд на остальную часть штата как непроходимую лесную чашу, где за каждым деревом прячется индеец. Правда, по делам своих братьев он поднимался на сотню миль вверх по реке Саванне, побывал в Огасте и в старых городах еще дальше к западу. Он знал, что эта часть штата не менее заселена, чем побережье, но по рассказам незнакомца выходило, что его плантация расположена более чем в двухстах пятидесяти милях к северо-западу от Саванны, немного южнее реки Чаттахучи. Джералд считал, что земли к северу от этой реки еще заселены индейцами племени чероки, и поэтому был очень удивлен, когда незнакомец стал рассказывать, какие на этих новых землях возникли процветающие города и поместья, и посмеялся его вопросу — не тревожат ли их индейцы?

Через час беседа начала увядать, и тогда Джералд, уставив на незнакомца невиннейший взгляд ярко-голубых глаз и затаив на дне души коварнейший умысел, предложил составить партию в покер. Текли ночные часы, и стаканы бесчисленно наполнялись и опустошались, остальные игроки мало-помалу выходили из игры, и лишь Джералд продолжал сражаться с незнакомцем уже один на один. Незнакомец двинул на середину стола все свои фишки и прикрыл их сверху купчей на плантацию. Джералд тоже двинул все свои фишки, а поверх них бросил бумажник. Тот факт, что

содержимое бумажника являлось собственностью фирмы братьев О'Хара, не слишком обременял совесть Джералда, и каяться в своем грехе завтра перед утренней мессой он не собирался. Джералд знал, чего хочет, а в этих случаях он всегда шел к цели напролом. К тому же он крепко верил в свою звезду и в то, что кривая вывезет, а потому даже не задумывался над тем, чем он будет отвечать, если партнер еще повысит ставку.

— Не стану утверждать, будто вам достался в руки клад, а как подумаю, что мне не надо больше платить налогов, так прямо гора с плеч, — сказал обладатель каре в тузах и крикнул, чтобы подали перо и чернила. — Дом сгорел год назад, поля заросли кустарником и молодой сосновой порослью, но, так или иначе, теперь это ваше.

— Никогда не мешай карты с виски, если ты не всосал ирландский самогон с материнским молоком, — наставительно сказал Джералд Порку в то утро, когда лакей помогал ему отойти ко сну.

И слуга, исполненный восхищения своим новым хозяином и уже начавший даже перенимать его ирландский акцент, ответствовал, как положено, на такой смеси местного наречия с говором графства Мит, что это озадачило бы любого, кроме них двоих.

Илистая река Флинт, молчаливо проложившая себе путь между высокими темными стенами сосен и черных дубов, оплетенных диким виноградом, принимала в свои объятия новоприобретенные владения Джералда, омывая их с двух сторон. Глядя с невысокого холма, где когда-то стоял дом, на живую темно-зеленую стену, Джералд испытывал приятное чувство собственности, словно он сам возвел эту ограду вокруг своих владений. Он стоял на почерневшем каменном фундаменте сгоревшего дома, скользил взглядом по длинной аллее, тянувшейся от дома к проселочной дороге, и про себя чертыхался от радости, слишком глубокой, чтобы он мог выразить ее словами благодарственной

молитвы. Эти два ряда величественных деревьев принадлежали ему, и эта заброшенная лужайка, заросшая сорной травой по пояс, и эти еще молоденькие магнолии, осыпанные крупными белыми звездами цветов. Невозделанные поля с порослью кустарников и проклюнувшимися из красной глины молоденькими сосенками, раскинувшиеся во все четыре стороны от этого холма, принадлежали ему, Джералду О'Хара, который, как истинный ирландец, умел пить не хмелея и не боялся, когда надо, все поставить на карту.

Закрыв глаза, Джералд вслушивался в тишину этих еще не разбуженных к жизни полей: он знал, что обрел свое гнездо. Здесь, на этом месте, где он стоит, подымутся кирпичные, беленные известкой стены его дома. Там, по ту сторону дороги, возникнет ограда, за которой будет пастись хорошо откормленный скот и чистокровные лошади, а красная земля, покато спускающаяся к влажной пойме реки, засверкает на солнце белым лебяжьим пухом хлопка — акрами хлопка! И слава рода О'Хара заблистает снова!

Одолжив у скептически настроенных братьев денег, забрав свою крохотную долю из их предприятия и раздобыв еще изрядную сумму под залог земли, Джералд получил возможность купить рабов для обработки полей, прибыл в Тару и поселился в четырехкомнатном домике управляющего в холостяцком одиночестве и сладком предвкушении последующего переселения в новый белостенный дом на холме.

Он возделал землю и посадил хлопок и занял еще денег у Джеймса и Эндрю, чтобы прикупить еще рабов. Братья О'Хара умели блюсти интересы своего клана и крепко держались друг за друга как в удаче, так и в нужде, и не столько из родственных чувств, сколько из жестокой необходимости, ибо знали: чтобы выжить в трудные годы, семья должна противостоять судьбе единым фронтом. Они одолжили Джералду денег, и по прошествии нескольких лет он

возвратил им эти деньги с лихвой. Плантация расширялась: Джералд акр за акром прикупал соседние участки, и настал день, когда белый дом на холме из мечты превратился в реальность.

Дом был построен рабами: довольно неуклюжее, приземистое строение это глядело окнами на зеленый выгон, сбегавший вниз, к реке, но Джералд не уставал им любоваться, находя, что дом хотя и новый, а от него веет добротной стариной. Древние дубы, еще выдавшие пробиравшихся по лесу индейцев, обступали дом со всех сторон, простирая над его кровлей густой зеленый шатер ветвей. На лужайке, очищенной от сорняков, буйно разросся клевер и свиной, и Джералд следил за тем, чтобы газону оказывался должный уход. Все в Таре — от подъездной кедровой аллеи до белых хижин на участке, отведенном для рабов, — выглядело солидным, прочным, сделанным на века. И всякий раз, когда Джералд возвращался верхом домой и за поворотом дороги его глазам открывалась крыша дома, выглядывавшая из-за зеленых крон деревьев, сердце его преисполнялось гордостью, словно он видел эту картину впервые.

Это дело его рук — этого крепкологобого, задиристого коротышки Джералда!

Со всеми соседями у Джералда сразу установились самые дружеские отношения. Исключение составляли только Макинтоши, чья земля примыкала к его плантации слева, и Слэттери, чьи жалкие три акра тянулись справа — вдоль поймы реки, за которой находились владения Джона Уилкса.

Макинтоши были полукровками, смешанного шотландско-ирландского происхождения, а вдобавок еще оранжистами, и последнее обстоятельство — будь они даже причислены католической церковью к лику святых — наложило на них в глазах Джералда каинову печать. Правда, они переселились в Джорджию семьдесят лет назад,

а до этого их предки жили в Каролине, но тем не менее глава их клана, первым ступивший на американскую землю, прибыл сюда из Ольстера, и для Джералда этого было достаточно.

Это была молчаливая угрюмая семейка, державшаяся замкнуто, особняком: браки они заключали только со своими каролинскими родственниками, и Джералд оказался не единственным человеком в графстве, кому Макинтоши пришлось не по душе, ибо здешние поселенцы — народ общительный и дружелюбный — не отличались терпимостью по отношению к тем, кому этих качеств не хватало. А слухи об аболиционистских симпатиях Макинтошей никак не способствовали их популярности. Правда, старик Энгус за всю жизнь не отпустил еще на волю ни одного раба и совершил неслыханное нарушение приличий, продав часть своих негров заезжим работорговцам, направлявшимся на сахарные плантации Луизианы, но слухи тем не менее продолжали держаться.

— Он аболиционист, это точно, — сказал Джералд Джону Уилксу, — но у оранжиста шотландская скупость всегда возьмет верх над убеждениями.

Несколько иначе обстояло дело со Слэттери. Будучи бедняками, они не могли рассчитывать даже на ту крупицу невольного уважения, которая доставалась на долю угрюмых и независимых Макинтошей. Старик Слэттери, упрямо державшийся за свои несколько акров, несмотря на неоднократные предложения о продаже со стороны Джералда О'Хара и Джона Уилкса, был жалкий, вечно хнычущий неудачник. Жена его, блеклая, неопрятная, болезненного вида женщина, произвела на свет кучу угрюмых, пугливых, как кролики, ребятишек и продолжала регулярно из года в год увеличивать их число. Том Слэттери не имел рабов и вместе с двумя старшими сыновьями судорожно пытался обработать свой хлопковый участок, в то время как его жена с остальными ребятишками возилась в некоем

подобии огородика. Но хлопок почему-то никак не желал уродиться, а овощей с огорода, благодаря плодovitости миссис Слэттери, никогда не хватало, чтобы накормить все рты.

Вид Тома Слэттери, обивающего пороги соседей, выклянчивая хлопковых семян для посева или кусок свиного окорока, «чтобы перебиться», стал уже привычным для глаз. Слэттери, угадывая плохо скрытое за вежливым общением презрение, ненавидел соседей со всем пылом своей немощной души; однако самую лютую ненависть вызывали в нем эти «нахальные черномазые — челядь богачей». Черные слуги богатых плантаторов смотрели сверху вниз на «белых голодранцев», и это уязвляло Слэттери, а надежно обеспеченный слугам кусок хлеба порождал в нем зависть. Его собственное существование рядом с этой одетой, обутой, сытой и даже не лишенной ухода в старости или на одре болезни челядью казалось ему еще более жалким. Слуги по большей части бахвалились положением своих господ и своей принадлежностью к хорошему дому, в то время как сам он был окружен презрением.

Том Слэттери мог бы продать свою ферму любому плантатору за тройную против ее истинной стоимости цену. Каждый посчитал бы, что его денежки не пропали даром, ибо Том был у всех как бельмо на глазу, однако сам он не находил нужным сниматься с места, довольствуясь тем, что ему удавалось выручить за тюк хлопка в год или выклянчить у соседей.

Со всеми прочими плантаторами графства Джералд был на дружеской и даже короткой ноге. Все лица — Уилксов, Калвертов, Тарлтонов, Фонтейнов — расплывались в улыбке, как только возникала на подъездной аллее невысокая фигура на большой белой лошади. Тотчас на стол подавалось виски в высоких стаканах с ложечкой сахара и толчеными листиками мяты на дне. Джералд всем внушал

симпатию, и соседям мало-помалу открылось то, что дети, негры и собаки поняли с первого взгляда: за громоподобным голосом и грубоватыми манерами скрывались отзывчивое сердце и широкая натура, а кошелек Джералда был так же открыт для друзей, как и его душа.

Появление Джералда всегда сопровождалось неистовым лаем собак и радостными криками негритят, кидавшихся ему навстречу, отталкивая друг друга, корча хитрые рожи и улыбаясь во весь рот в ответ на его добродушную брань, причем каждый норовил первым завладеть брошенными им поводьями. Ребятишки плантаторов забирались к нему на колени и, пока он громил на чем свет стоит бесстыдство политиканов-янки, требовали, чтобы их «покатали». Дочери его приятелей поверяли ему свои сердечные тайны, а сыновья, страшась признаться родителям в карточных долгах, знали, что могут рассчитывать на его дружбу в трудную минуту.

— Как же ты, шалопай этакий, уже целый месяц не оплачиваешь долга чести! — гремел он. — Почему, черт побери, ты не попросил у меня денег раньше?

Давно привыкнув к его манере изъясняться, никто не был на него в обиде, и молодой человек смущенно улыбался и бормотал в ответ:

— Да видите ли, сэр, мне не хотелось обременять вас этой просьбой, а мой отец...

— Твой отец прекрасный человек, спору нет, но очень уж строг, так что вот, бери, и чтоб больше мы с тобой к этому разговору не возвращались.

Жены плантаторов капитулировали последними. Но после того как миссис Уилкс, «настоящая, — по словам Джералда, — леди, иной раз просто ни словечка не проронит», сказала как-то вечером своему мужу, заслышав знакомый стук копыт на аллее: «Язык у него ужасный, но тем не менее он джентльмен», можно было считать, что Джералд занял подобающее место в обществе.

Сам же он даже не подозревал, что ему понадобилось на это почти десять лет, поскольку попросту не замечал косях взглядов соседей. С той минуты, как его нога ступила на землю Тары, он ни на секунду не усомнился в своей принадлежности к верхам местного общества.

Когда Джералду стукнуло сорок три и он стал еще румянее и смуглее и так раздался в плечах, что имел уже вид завязанного сквайра-охотника, прямо с обложки цветного иллюстрированного журнала, у него возникло решение: его бесценное поместье и распахнутые настежь сердца и двери местных плантаторов — это еще не все. Ему нужна жена.

Имению настоятельно требовалась хозяйка. Толстой поварихе-негритянке, переброшенной по необходимости со двора на кухню, никак не удавалось вовремя справиться с обедом, а негритянке-горничной, снятой с полевых работ, сменить в срок постельное белье и смести с мебели пыль, вследствие чего при появлении гостей в доме поднималась дикая суматоха. На Порка, единственного в Таре вышколенного слугу, было возложено общее наблюдение за челядью, но и он, при попустительстве не привыкшего к упорядоченной жизни Джералда, стал с годами небрежен и ленив. Своими обязанностями лакея он, правда, не пренебрегал, содержал комнату Джералда в порядке и прислуживал за столом умело и с достоинством, как заправский дворецкий, но в остальном предоставлял всему идти своим ходом.

С безошибочным природным инстинктом слуги-негры очень скоро раскусили нрав хозяина и, зная, что собака, которая громко брешет, кусать не станет, беззастенчиво этим пользовались. Воздух то и дело сотрясали угрозы распродать рабов с торгов или спустить с них шкуру, но с плантаций Тары еще не было продано ни одного раба, и только один получил порку — за то, что любимая лошадь Джералда после целого дня охоты осталась неухоженной.

От строгого взгляда голубых глаз Джералда не укрылось, как хорошо налажено хозяйство у его соседей и как умело управляются со своими слугами аккуратные причесанные, шуршащие шелковыми юбками хозяйки дома. Ну а то, что они от зари до зари хлопочут то в детской, то на кухне, то в прачечной, то в бельевой, — это ему как-то не приходило на ум. Он видел только результаты этих хлопот, и они производили на него неотразимое впечатление.

Неотложная необходимость обзавестись женой стала ему окончательно ясна однажды утром, когда он переодевался, чтобы отправиться верхом на заседание суда, и Порк подал ему любимую плоеную рубашку, приведенную в столь плачевное состояние неумелой починкой служанки, что Джералду не оставалось ничего другого, как отдать ее лакею.

— Мистер Джералд, — сказал расстроенному хозяину Порк, благодарно складывая рубашку, — вам нужна супруга. Да такая, у которой в доме полным-полно слуг.

Джералд не преминул отчитать Порка за нахальство, но в глубине души знал, что тот прав. Джералд хотел иметь жену и детей и понимал, что долго тянуть с этим делом нельзя, иначе будет поздно. Но он не собирался жениться на ком попало, подобно мистеру Калверту, обвенчавшемуся с гувернанткой-янки, пестовавшей его оставшихся без матери детей. Его жена должна быть леди, благородная леди, с такими же изящными манерами, как и миссис Уилкс, и с таким же умением управлять большим хозяйством.

Но на пути к браку вставали два препятствия. Первое: все невесты в графстве были наперечет. И второе, более серьезное: Джералд был чужеземец и в какой-то мере «пришлый», хотя и обосновался тут десять лет назад. О его семье никому ничего не было известно. Правда, плантаторы Центральной Джорджии не держались столь обособленно и замкнуто, как аристократы побережья, однако и здесь

ни одна семья не пожелала бы выдать дочку замуж за человека, дед которого никому не был известен.

Джералд знал, что, несмотря на искреннее к нему расположение всех, кто с ним охотился, выпивал и толковал о политике, ни один из них не просватает за него свою дочь. А ему отнюдь не улыбалось, чтобы пошли слухи о том, что, дескать, такой-то или такой-то плантатор должен был, к своему прискорбию, отказать Джералду О'Хара, добивавшемуся руки его дочери. Но, понимая это, он вовсе не чувствовал себя униженным. Чтобы Джералд О'Хара признал кого-то в чем-то выше себя — такого еще не бывало да и быть не могло ни при каких обстоятельствах. Просто в этом графстве были свои чудные обычаи, согласно которым девушек выдавали замуж лишь за тех, чьи семьи прожили на Юге не каких-то двадцать два года, а много больше, владели землей, рабами и предавались только тем порокам, которые вошли здесь в моду в эти годы.

— Укладывай пожитки. Мы едем в Саванну, — сказал Джералд Порку. — И если там у тебя хоть раз сорвется с языка: «Язви его душу!» или «Дуй его горой!» — я тут же продам тебя с торгов. Ты видишь, я сам воздерживаюсь теперь от таких выражений.

Джеймс и Эндрю, думал Джералд, глядишь, что-нибудь да присоветуют ему по части женитьбы. Быть может, у кого-нибудь из их приятелей есть дочь на выданье, отвечающая его требованиям, и он составит подходящую для нее партию. Джеймс и Эндрю выслушали его терпеливо, но ничего утешительного предложить не сумели. Родственников, которые могли бы посодействовать сватовству, у них в Саванне не было, так как оба брата прибыли сюда уже женатыми людьми. А дочери их друзей все успели выйти замуж и обзавестись детьми.

— Ты человек небогатый и незнатный, — сказал Джеймс.

— Кой-какое состояние я себе сделал и сумею прокормить большую семью. А на ком попало я и сам не женюсь.

— Хочешь высоко залететь? — сухо заметил Эндрю.

Все же они сделали для Джералда что могли. Джеймс и Эндрю были уже в преклонных годах и на хорошем счету в Саванне. Друзей у них было много, и они целый месяц возили Джералда из дома в дом на ужины, на танцы, на пикники.

— Есть тут одна, — признался в конце концов Джералд. — Очень она мне приглянулась. Ее, признаться, еще на свете не было, когда я здесь причалил.

— Кто же эта особа?

— Мисс Эллин Робийяр, — с деланой небрежностью отвечал Джералд, ибо взгляд темных миндалевидных глаз этой девушки проник ему в самое сердце. Она очаровала его сразу, несмотря на странное, казалось бы, для пятнадцатилетней девушки отсутствие резвости и молчаливость. И была в ее лице какая-то затаенная боль, так разбередившая ему душу, что ни к одному существу на свете он еще не проявлял столь участливого внимания.

— Да ты же ей в отцы годишься!

— Ну и что, я еще мужчина хоть куда! — воскликнул чрезвычайно задетый этими словами Джералд.

Джеймс спокойно разъяснил ему:

— Послушай, Джерри. Во всей Саванне не сыщется более неподходящей для тебя невесты. Ведь этот Робийяр, ее отец, — он француз, а они все гордые, как сатана. И ее мать — упокой, Господи, ее душу — была очень важная дама.

— А мне наплевать, — сказал Джералд. — Мать ее, кстати, уже в могиле, а старику Робийяру я пришелся по душе.

— Как мужчина мужчине — может быть, но только не как зять.

— Да и девушка никогда за тебя не пойдет, — вмешался Эндрю. — Она вот уже год как сохнет по этому повесе, Филиппу Робийяру, ее кузену, хотя вся семья денно и нощно уговаривает ее перестать о нем думать.

— Он уже месяц как уехал в Луизиану, — сказал Джералд.

— Как ты это узнал?

— Узнал, — коротко ответил Джералд, не желая признаваться, что источником этих ценных сведений был Порк, и умолчав также о том, что Филипп уехал лишь по настоянию родителей. — Не думаю, чтобы она так уж была в него влюблена, — это у нее пройдет. Какая там может быть любовь в пятнадцать лет.

— Все равно они скорее согласятся выдать ее за этого головореза-кузена, чем за тебя.

Словом, Джеймс и Эндрю были поражены не менее всех других, когда стало известно, что дочь Пьера Робийера выходит замуж за этого маленького ирландца из Северной Джорджии. В домах Саванны шептались и судачили по адресу Филиппа Робийера, отбывшего на Запад, но пересуды пересудами, а толком никто ничего не знал, и для всех оставалось загадкой, почему самая красивая из девочек Робийер решила выйти замуж за шумного краснолицего ирландца, который ростом был едва-едва ей по плечо.

Да и сам Джералд не очень-то хорошо был осведомлен о том, как все это произошло. Он понимал одно: чудо все-таки свершилось. И впервые в жизни ощутил совершенно несвойственные ему робость и смирение, когда Эллин, очень бледная, очень спокойная, легко прикоснувшись рукой к его руке, произнесла:

— Я согласна стать вашей женой, мистер О'Хара.

Пораженное как громом этой вестью, все семейство лишь отчасти прозревало истинную подопку случившегося, и только Мамушка знала о том, как Эллин, проплакав всю ночь навзрыд, словно ребенок, наутро с твердостью внезапно повзрослевшей женщины объявила о своем решении.

Исполненная мрачных предчувствий Мамушка передала ей в тот вечер небольшой сверток, присланный

из Нового Орлеана, с адресом, написанным незнакомой рукой. Эллин развернула сверток, вскрикнула и выронила из рук медальон со своим портретом на эмали. К медальону были приложены четыре письма Эллин к ее кузену и краткое послание нью-орлеанского священника, известившее о смерти Филиппа Робийяра, последовавшей в результате драки в одном из городских баров.

— Это они заставили его уехать — отец, Полин и Евлалия. Я ненавижу их. Всех ненавижу. Видеть их не могу. Я уеду отсюда. Уеду, чтобы никогда больше их не видеть! Уеду из этого города, где все будет вечно напоминать мне о... О нем!

Ночь уже близилась к рассвету, когда Мамушка, тоже проливавшая горячие слезы, глядя темноволосую головку хозяйки, сделала робкую попытку возразить:

— Бог с вами, голубка! Негоже это!

— Я уже решила! Он хороший, добрый человек! Я выйду за него замуж или приму постриг в чарльстонском монастыре.

Именно эта угроза и вынудила в конце концов растерянного, убитого горем Пьера Робийяра дать согласие на брак. Для убежденного пресвитерианина, хотя и происходившего из католической семьи, брак дочери с Джералдом О'Хара представлялся все же менее страшным, чем принятие ею монашеского обета. Если не считать того, что жених — человек без рода без племени, во всем остальном он был не так уж плох.

И вот Эллин, теперь уже Эллин О'Хара, покинула Саванну, чтобы никогда сюда более не возвращаться, и в сопровождении своего немолодого мужа, Мамушки и двадцати слуг-негров прибыла в Тару.

На следующий год родился их первый ребенок, и они окрестили девочку Кэти-Скарлетт — в честь матери Джералда. Сам Джералд был слегка разочарован, ибо ждал наследника, но тем не менее появление на свет темноглавой

малютки доставило ему такую радость, что он выставил бочку рома для всех рабов Тары, да и сам был шумно и безудержно пьян.

Если Эллин в какую-нибудь горькую минуту и пожалела о своем скоропалительном решении выйти замуж за Джералда, то никто, а тем более Джералд, никогда об этом не узнал. И Джералда прямо распирало от гордости, когда он глядел на свою жену. А Эллин навсегда вычеркнула из памяти маленький приморский городок вместе со всем, что было с ним связано, и, ступив на землю Северной Джорджии, обрела там новую родину.

В памяти остался величавый и горделивый, как плывущий под всеми парусами корабль, дом ее отца — изящное здание во французском колониальном стиле: мягкие, женственно округлые линии, бледно-розовые оштукатуренные стены, высокий портал, плавно сбегаящие вниз широкие ступени парадной лестницы, окаймленные тонким кружевом чугунных перил... Богатый, изысканный и надменный дом.

Здесь, в Северной Джорджии, ее встретил суровый край и закаленные в лишениях люди. Вдали, куда бы ни устремляла она взор с плато, раскинувшегося у подножия Голубого хребта, повсюду были красноватые пологие холмы с массивными выходами гранита и высокие мрачные сосны. Дикой, неукрощенной представлялась ей эта природа после привычной для глаз мягкой красоты прибрежных островов, поросших серым мхом и темно-зеленой чащей кустарников, после белых лент пляжей, прогретых лучами субтропического солнца, и просторных, плоских песчаных равнин, зеленеющих пальмами и молодой порослью.

Здесь же вслед за жарким летом наступила студеная зима, а в людях бурлила невиданная энергия и сила. Они отличались легким и веселым нравом, были добры, великодушны, любезны и в то же время необычайно упрямы, вспыльчивы и жизнестойки. На побережье мужчины

гордились умением не утрачивать самообладания и хороших манер в любых обстоятельствах — будь то поединок или кровная месть, — тогда как здесь все проявляли необузданность и склонность к бешеным выходкам. Жизнь на побережье была окрашена в мягкие, ровные тона. Здесь она бурлила — молодая, неукротенная, жадная.

Все, кого знала Эллин в Саванне, казалось, были отлиты по одному образцу, столь мало различались их взгляды и привычки, теперь же она столкнулась с разными, непохожими друг на друга людьми. Поселенцы Северной Джорджии перекочевали сюда из самых разных уголков земного шара — из Каролины и Виргинии, из Европы и с далекого Севера — и из других частей Джорджии. Некоторые из них, подобно Джералду, были новопришельцами, искателями счастья. Другие, подобно Эллин, принадлежали к старинным родам, дальние отпрыски которых, не удовлетворенные жизнью на родине, решили обрести рай на чужбине. А немало было и тех, кого занесло в эти края случайным ветром или пригнало извечное беспокойство, бурлившее в крови и унаследованное от отцов-пионеров.

Весь этот разношерстный люд, с очень несхожим прошлым, вел весьма непринужденный образ жизни, лишенный каких-либо стеснительных правил, с чем Эллин так никогда и не смогла до конца свыкнуться. На побережье она интуитивно знала, как поведут себя люди в тех или иных обстоятельствах. Как поступит житель Северной Джорджии — предугадать было невозможно.

А Юг в те дни процветал, и это убыстряло темп жизни. Весь мир требовал хлопка, и девственная, плодородная земля графства рождала его в изобилии. Он был ее дыханием, биением ее сердца, его посевы и сборы — пульсацией крови в ее жилах. В бороздах пахоты произрастало богатство, а вместе с ним — самонадеянность и спесь: они росли вместе с зелеными кустами и акрами пушистых

белых коробочек. Если хлопок может принести богатство нынешнему поколению, как же приумножат его последующие!

Эта уверенность в завтрашнем дне породила неумную жажду жизни, алчную тягу ко всем ее благам, и жители графства со страстью, изумлявшей Эллин, предавались радостям бытия. У них было уже достаточно денег и рабов, чтобы хватило времени и на развлечения, а развлекаться они любили. Дело всегда, по-видимому, можно было бросить ради охоты, рыбалки или скачек, и не проходило недели, чтобы кто-нибудь не устроил пикника или не закатил бала.

Эллин так и не сумела, вернее не смогла, до конца слиться с новой жизнью — слишком большая часть ее души осталась в Саванне, — но она отдавала должное этим людям, и со временем их открытость и прямота, свобода от многих условностей и умение ценить человека по его заслугам стали вызывать в ней уважение.

Сама же она заслужила любовь всех соседей в графстве: добрая, но бережливая хозяйка, отличная мать, преданная жена. Разбитое сердце и отказ от личного счастья, не приведя ее в монастырь, дали ей возможность целиком посвятить себя детям, дому и тому человеку, который увез ее из Саванны, увез от всех воспоминаний и ни разу не задал ни одного вопроса.

Когда Скарлетт — здоровой и чрезмерно озорной, по мнению Мамушки, девочке — пошел второй год, у Эллин снова родилась дочь, Сьюзен-Элинон, сокращенно и навечно переименованная в Сьюлин, а затем настал черед и для Кэррин, записанной в семейных святцах как Кэролайн-Айрин. После них один за другим на свет появились три мальчика, но все трое умерли, еще не научившись ходить, и были похоронены на семейном кладбище в ста ярдах от дома, под сенью узловатых кедров, под тремя каменными плитами с одинаковой на всех трех надписью: «Джералд О’Хара — младший».

Многое изменилось в Таре с тех пор, как здесь впервые появилась Эллин. Пятнадцатилетняя девочка не убоилась ответственности, налагаемой на нее званием хозяйки большого поместья. По тогдашним понятиям, до брака от девушки требовалось прежде всего быть красивой, приятной в общении, иметь хорошие манеры и служить украшением любой гостиной. А вступив в брак, она должна была уметь вести хозяйство и управляться с сотней, а то и больше, черных и белых слуг.

И Эллин, как всякая девушка из хорошей семьи, была воспитана в этих понятиях, а помимо того, при ней была Мамушка, умевшая вдохнуть энергию в самого непутевого из слуг. И Эллин быстро навела порядок в хозяйстве Джералда, придав поместью на диво элегантный и respectable вид.

Господский дом был построен без малейшего представления о каком-либо архитектурном замысле, а впоследствии к нему, по мере того как в этом возникала нужда, то там, то здесь делались новые пристройки. И все же, невзирая на это, усилиями Эллин дому был придан уютный вид, возместивший отсутствие гармонии. Тенистая темно-зеленая кедровая аллея, ведущая от дороги к дому, — обязательная принадлежность каждого плантаторского особняка в Джорджии — создавала приятный для глаз контраст с яркой зеленью остальных деревьев, окружавших дом. Оплетавшая веранды глициния красиво выделялась на белой известке стен, а курчаво-розовые кусты мирта возле крыльца и белоснежные цветы магнолий в саду хорошо маскировали угловатые линии дома.

Весной и летом изумрудная зелень клевера и свиной газон становилась слишком притягательной для индюков и белых гусей, коим надлежало держаться в отведенной для них части двора за домом. Предводители их стай то и дело совершали украдкой набеги на запретную зону перед домом, привлекаемые не только зеленью газона,

но и сочными бутонами жасмина и пестрыми цинниями цветочных клумб. Дабы воспрепятствовать их вторжению, на крыльце постоянно дежурил маленький черный страж с рваным полотенцем в руках. Сидящая на ступеньках несчастная фигура негритенка была неотъемлемой частью общей картины поместья — несчастен же он был потому, что ему строго-настрого было наказано лишь отпугивать птиц, махая полотенцем, но ни под каким видом не стегать их.

Через руки Эллин прошли десятки маленьких черных мальчишек, которых она обучала этой нехитрой премудрости — первой ответственной обязанности, возлагавшейся на мужскую половину черной детворы в Таре. Потом, когда им исполнялось десять лет, их отдавали в обучение Папаше-сапожнику, или Эмосу — плотнику и колесных дел мастеру, или скотнику Филиппу, или погонщику мулов Каффи. Если мальчишка не проявлял способностей ни в одном из этих ремесел, его посылали работать в поле, и он в глазах негров-слуг терял всякое право на привилегированное положение и попадал в разряд обыкновенных рабов.

Никто не назвал бы жизнь Эллин легкой или счастливой, но легкой жизни она и не ждала, а если на ее долю не выпало счастья, то таков, казалось ей, женский удел. Мир принадлежал мужчинам, и она принимала его таким. Собственность принадлежала мужчине, а женщине — обязанность ею управлять. Честь прослыть рачительным хозяином доставалась мужчине, а женщине полагалось преклоняться перед его умом. Мужчина ревел как бык, если загонял себе под коготь занозу, а женщина, рожая, должна была глушить в груди стоны, дабы не потревожить покой мужа. Мужчины были несдержанны на язык и нередко пьяны. Женщины пропускали мимо ушей грубые слова и не позволяли себе укоров, укладывая пьяного мужа в постель. Мужчины, не стесняясь в выражениях,

могли изливать на жен свое недовольство, женщинам полагалось быть терпеливыми, добрыми и снисходительными.

Полученное Элли светское воспитание требовало, чтобы женщина среди всех тягот и забот не теряла женственности, и Элли хотелось воспитать трех своих дочерей настоящими леди. Со средней дочерью она легко добивалась успеха, ибо Сьюлин так хотелось всем нравиться, что она с величайшей готовностью внимала материнским наставлениям, а младшая, Кэррин, была кротка и послушна от природы. Но Скарлетт, плоть от плоти своего отца, усваивала светские манеры с большим трудом.

К вящему негодованию Мамушки, Скарлетт предпочитала играть не со своими тихими сестричками и не с благовоспитанными барышнями Уилкс, а с черными ребятами с плантации и с соседними мальчишками, не уступая им в искусстве лазать по деревьям или швырять камнями. Мамушка была не на шутку обескуражена, видя, как у дочери Элли проявляются такие замашки, и то и дело старалась внушить Скарлетт, что она должна вести себя «как маленькая леди». Однако Элли оказалась в этом вопросе более терпимой и дальновидной. Она считала, что всему своя пора, товарищи детских игр превратятся со временем в юношей и кавалеров и Скарлетт поймет, что главная жизненная задача каждой девушки — выйти замуж. Скарлетт просто очень живой ребенок, говорила себе Элли, она еще успеет постичь науку быть привлекательной для мужчин.

И Скарлетт превзошла все ожидания в достижении той цели, к которой были направлены совместные усилия Элли и Мамушки. Подрастая, она постигала вышеупомянутую науку в совершенстве, хотя и не слишком преуспевала во всех остальных. Гувернантки менялись одна за другой, после чего Скарлетт на два года была заточена в стенах частного пансиона для молодых девиц в Фейетвилле, и если

полученные ею знания были несколько хаотичны, то танцевала она бесспорно лучше всех девушек графства. И она знала цену своей улыбке и игре ямочек на щеках, умела пройтись на цыпочках так, чтобы кринолин соблазнительно заколыхался, и, поглядев в лицо мужчине, быстро опустить затрепетавшие ресницы, как бы невольно выдавая охватившее ее волнение. А превыше всего познала она искусство таить от мужчин острый и наблюдательный ум, маскируя его невинно-простодушным, как у ребенка, выражением лица.

Мягкие наставления Эллин и неустанные укоры Мамушки сделали все же свое дело, внедрив в нее некоторые качества, безусловно ценные в будущей супруге.

— Ты должна быть мягче, скромнее, моя дорогая, — говорила Эллин дочери. — Нельзя вмешиваться в разговор джентльменов, даже если знаешь, что они неправы и ты лучше осведомлена, чем они. Джентльмены не любят черсчур самостоятельно мыслящих женщин.

— Попомните мое слово: барышни, которые все хмурятся да задирают нос — «Нет, не хочу!» да «Нет, не желаю!» — всегда засиживаются в старых девах, — мрачно пророчествовала Мамушка. — Молодые леди должны опускать глаза и говорить: «Конечно, сэр, да, сэр, как вы скажете, сэр!»

Они старались сделать из нее по-настоящему благородную даму, но Скарлетт усваивала лишь внешнюю сторону преподаваемых ей уроков. Внутреннее благородство, коим должна подкрепляться внешняя благопристойность, оставалось для нее недостижимым, да она и не видела нужды его достигать. Достаточно было научиться производить нужное впечатление — воплощенной женственности и хороших манер, — ведь этим завоевывалась популярность, а ни к чему другому Скарлетт и не стремилась. Джералд хвастливо утверждал, что она — первая красавица в пяти графствах, и, надо сказать, утверждал не без оснований,

ибо ей уже сделали предложение руки и сердца почти все молодые люди из соседних поместий, а помимо них и кое-кто еще из таких отдаленных городов, как Атланта и Саванна.

К шестнадцати годам Скарлетт, следуя наставлениям Эллин и Мамушки, приобрела репутацию очаровательно-го, кроткого, беспечного создания, будучи в действительности своенравной, тщеславной и крайне упрямой. От своего отца-ирландца она унаследовала горячий, вспыльчивый нрав, а от своей великодушной и самоотверженной матери — ничего, кроме внешнего лоска. Эллин никогда не догадывалась о том, в какой мере кротость дочери была показной, ибо в отношениях с матерью Скарлетт всегда проявляла себя с лучшей стороны: она ловко скрывала от Эллин кое-какие выходки и умела обуздать свой нрав и казаться воплощением кротости, ибо одного укоряющего взгляда матери было достаточно, чтобы пристыдить ее до слез.

И только Мамушка не питала особых иллюзий насчет своей питомицы и была всегда начеку, зная, что природа может взять верх над притворством. Глаз Мамушки был куда более зорок, чем глаз Эллин, и Скарлетт не могла припомнить, чтобы ей хоть раз удалось всерьез ее одурачить.

Само собой разумеется, обе строгие наставницы вовсе не сокрушались по поводу того, что Скарлетт очаровательна и жизнь в ней бьет ключом. Этими качествами женщины-южанки привыкли даже гордиться. Упрямство и своеволие Скарлетт, унаследованные от Джералда, — вот что повергало Эллин и Мамушку в смущение: а ну как не удастся скрыть от посторонних глаз эти ужасные пороки и они помешают ей сделать хорошую партию! Но Скарлетт, твердо решив про себя, что выйдет замуж за Эшли, и только за Эшли, готова была всегда казаться скромной, уступчивой и беспечной, раз эти качества столь привлекательны в глазах мужчин. Что мужчины находят в них ценного, она

не понимала. Знала одно: это способ проверенный и оправдывает себя. Вдумываться в причину этого ей не хотелось, ибо у нее никогда не возникало потребности разобраться во внутренних движениях чьей-то или хотя бы собственной души. Она просто знала: если она поступит так-то и так-то или скажет то-то и то-то, мужчины неминуемо отзовутся на это таким-то или другим весьма для нее лестным образом. Это было как решение простенькой арифметической задачи, а арифметика была единственной наукой, которая еще в школьные годы давалась Скарлетт без труда.

И если она не очень-то разбиралась в душах мужчин, то еще того меньше — в душах женщин, ибо они и интересовали ее куда меньше. У нее никогда не было закадычной подружки, но она никогда от этого не страдала. Все женщины, включая собственных сестер, были для нее потенциальными врагами, ибо все охотились на одну и ту же дичь — все стремились поймать в свои сети мужчину.

Все женщины. Единственным исключением являлась ее мать.

Эллин О'Хара была не такая, как все. Она казалась Скарлетт почти святой, стоявшей особняком от всего человечества. Когда Скарлетт была ребенком, мать часто представлялась ей в образе Пресвятой Девы Марии, но и подрастая, она не захотела отказаться от этого представления. Только Эллин и Небеса могли дать ей ощущение незыблемости ее мира. Для Скарлетт мать была воплощением правды, справедливости, нежности, любви и глубочайшей мудрости. И она была настоящая леди.

Скарлетт очень хотелось быть похожей на мать. Беда заключалась лишь в том, что, оставаясь всегда правдивой, честной, справедливой, любящей и готовой на самопожертвование, невозможно наслаждаться всеми радостями жизни и наверняка упустишь очень многое,

в первую очередь — поклонников. А жизнь так коротка. Она еще успеет потом, когда выйдет замуж за Эшли, и состарится, и у нее будет много свободного времени, стать такой, как Эллин. А пока что...

ГЛАВА 4

В этот вечер за ужином Скарлетт машинально исполняла роль хозяйки, заменяя отсутствующую мать, но мысли ее неотступно возвращались к страшной вести о браке Эшли и Мелани. В отчаянии она молила Бога, чтобы Эллин поскорее возвратилась от Слэттери: без нее она чувствовала себя совсем потерянной и одинокой. Что за свинство со стороны этих Слэттери вечно навязываться Эллин со своими нескончаемыми болезнями, в то время как она так нужна ей самой!

На протяжении всего этого унылого ужина громкий голос Джералда бил в ее барабанные перепонки, и минутами ей казалось, что она этого не выдержит. Недавний разговор с дочерью уже вылетел у Джералда из головы, и он теперь произносил длинный монолог о последних сообщениях, поступивших из форта Самтер, подкрепляя свои слова взмахом руки и ударом кулака по столу. У Джералда вошло в привычку разглагольствовать при всеобщем молчании за столом, и обычно Скарлетт, погруженная в свои мысли, попросту его не слушала. Но сегодня, напряженно ожидая, когда наконец подкатит к крыльцу коляска с Эллин, она не могла отгородиться от звуков этого громкого голоса.

Конечно, она не собиралась открывать матери, какая тяжесть лежит у нее на сердце. Ведь Эллин пришла бы в ужас, узнай она, что ее дочь убивается по человеку, помолвленному с другой; ее огорчение было бы беспредельным.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

